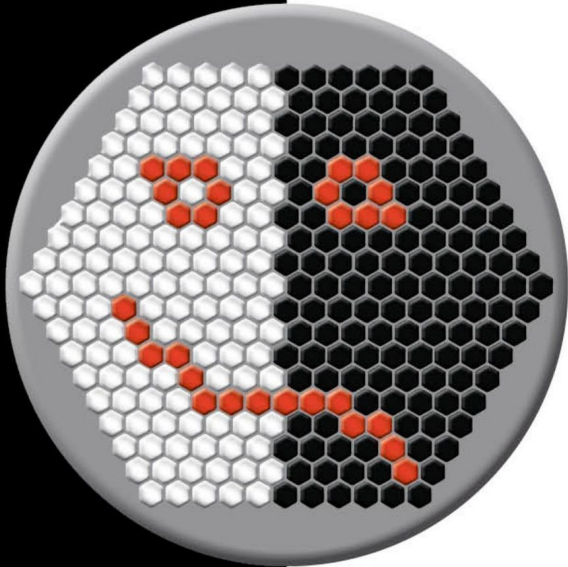

Андрей Барабанов

Город Lesobon

Андрей Барабанов
Город Lesobon. «Мемуар»
советского школьника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9598725

ISBN 9785447408169

Аннотация

– Почему «мемуар»? «Город Лесобон» – это не жизнеописание, не изложение биографии. Тем не менее, в ней отражена жизнь страны, города, людей. Наверняка многие, кто жил в то время, вспомнят себя, а кто нет – узнают о нем из первоисточника. Андрей Барабанов, из интервью журналу «Слово», 2015 г.

Содержание

Лесобон	6
на запад	8
Отец	11
Бабаня и вшивый	14
Нина	18
Антонов	20
Руня	22
Беспризорники «гарназа»	24
Сазанов	26
Развод	28
Китайцы и «будь бдителен»	30
Хомяк	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Город Lesobon «Мемуар» советского школьника

Андрей Барабанов

*Все названия и имена вымышлены. Все
совпадения неслучайны.
Саратов, 2015 г.*

Фотограф Prospero

© Андрей Барабанов, 2018

© Prospero, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4474-0816-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я отчетливо помню то осеннее утро... На щеку упала капля. Одна, вторая. Погода была пасмурная, но разводы луж на перроне оставались такими же спокойными, как и минуту назад. «Как это – идет дождь, а следов его нигде не видно? – подумал я и поднял вверх голову. С маминых глаз медленно стекали слезы... Ее взгляд был устремлен ку-

да-то вдаль, на коробки мрачно-серых домов, на ряд серых двухэтажных бараков, на пустынную привокзальную площадь станции со странным названием Лужино. Казалось, что слезы текут сами по себе, до того мамино лицо было непроницаемым...

Спустя много лет я понял, почему мама плакала. Она предвидела, что эта захолустная станция, этот город, встретивший нас неприветливым холодным ветром, станет для нее ловушкой, глубокой ямой, выбраться из которой ей будет уже не суждено.

Поезд тоскливо гукнул и отправился дальше – в края, где полным ходом развивалась цивилизация, оставив меня, пятилетнего мальчишку, и маму, красивую, хорошо сложенную брюнетку, наедине с этим жестоким городком...

Лесобон

Мост над рекой Миссури – единственное архитектурное (если не считать Дома культуры) достояние Лесобона. Собственно, здесь город заканчивается как таковой, и начинается массив частных избушек, именуемый народом «За мостом». Именно в этом дремучем месте расположилась администрация, городской рынок, ПТУ и Дом офицеров.

Одним из самых старых и легендарных заведений в Лесобоне является ПТУ – деревянное здание сарайного типа. Здесь учились казаки – кавалеристы Первой Конной, герои Советского Союза, известные летчики, «стахановцы» и просто хулиганье, для которых диплом «фазанки» (от «ФЗУ» – фабрично – заводское училище) служил пропуском в мир криминальных авторитетов.

Колорит здешних достопримечательностей меня, обыкновенного мальчишку пяти лет, впрочем, ничем не удивил. Дома не отличались от тех, в которых мы жили раньше – полинялые пятиэтажные коробки с зассанными подъездами, стены в которых, изрисованные недвусмысленными надписями, исполосованы царапинами.

Место, где мне предстояло провести детство и юность, было огорожено каменным забором. За ним, с одной стороны, жил своей жизнью собственно город Лесобон, а с другой, нашей, находились жилой городок и военная часть, где служил

мой отец. Это место называли гарнизон. В просторечии – «гарназ». Здесь жили, в основном, офицеры и их семьи. Это был такой Лесобон в миниатюре – со своими домами, магазинами, детскими площадками, футбольной коробкой и даже Домом быта.

на запад

Его квартира находилась прямо под нашей. Мы ходили друг к другу в гости, играли во дворе и все такое. Он приехал из Германии и даже сам чем-то походил на немца.

Парикмахерши всегда, по просьбе родителей, оставляли Ромке на шее волосы. Этим он и выделялся среди нас, стриженных под горшок или вообще не стриженных. А также тем, что у него одного во дворе (да и, наверное, во всем гарнизоне) была игра «За рулем».

Для нас, обычных мальчишек, это было чудо – почувствовать себя настоящими гонщиками. Мы поклонялись Ромке как идолу, и все время напрашивались к нему в гости.

Я только не понимал, почему в квартире «немца» Ромки была такая простая обстановка. В зале стоял старенький диван, несколько советских кресел и «стенка» с треснутым стеклом непонятного цвета, то ли кофе с молоком, то ли желудь. Также скромно было в других комнатах. Ромка спал на солдатской кровати с пружинами.

Вечером мы сидели на ветках березы возле своего подъезда. Ромка с радостью в голосе сказал:

– Мы завтра на Запад уезжаем.

– ?

– В Ленинград. Домой. Папка службу закончил.

На следующий день все простецкое хозяйство Ромкиных

родителей было за пару часов погружено солдатами-срочниками в контейнер. Когда Ромка сел в уазик и помахал рукой, я заплакал. Нет, мне не было жалко, что друг, с которым мы за полтора года облазили все близлежащие стройки, овраги и гаражи, уезжает. Мало ли в дворе пацанов. Мне было невыносимо грустно, что я остаюсь.

Западом в гарнизоне называли все, что находилось в границах средней полосы России. Даже, например, Архангельск. Став постарше, я понял, что практически для всех офицеров и их семей наш гарнизон был некоей перевалочной базой после службы в Германии, Чехословакии, Польши и других странах Европы – со всеми ее прелестями в виде красивых иномарок, двухкассетных магнитол, видеомагнитофонов, красиво упакованных продуктов и т. п.

Мне даже казалось, что существует такой закон, по которому, после жизни за границей, военных направляют в глухие городишки. Вроде, пошиковали за бугром, теперь почувствуйте, «офицерики», почем фунт лиха. Кто выдерживал такой стресс – уезжал «на Запад». Кто нет – спивался. Кто-то тихо, в течение многих лет, кто-то моментально, и оставался в Лесобоне навсегда.

Одного подполковника, знакомого родителей, забросило к нам из Венгрии перед самым выходом на пенсию. Дети Никанора Ивановича выросли, он им отдал квартиру матери в Подмосковье, а сам остался дослуживать в нашем гарнизоне.

Пил он почти ежедневно. Говорили, что от тоски и одиночества. На службу ходил редко, но это ему почему-то сходило с рук. До пенсии оставалось несколько месяцев, как выяснилось, что у него рак желудка. Умер он через несколько лет в Лесобоне. Дети на похороны не приехали.

Отец

В день нашего приезда отец вернулся с дежурства в военной части, где служил командиром химроты. Казалось, он абсолютно не разделял маминой грусти, хохмил, балагурил, несмотря на усталость. Пару раз поднял меня, подбросил к потолку, затем прижал к небритой щеке. Наверное, за то время, что он жил здесь до нас, отец успел адаптироваться ко всей этой захолустной жизни. Хотя по логике он, выросший в большом городе, должен был чувствовать себя хуже, чем мама, коренная жительница райцентров.

А может, он и не испытывал никакого дискомфорта. Это был не первый его гарнизон. Но, как оказалось, последний.

Хотя, повернись его судьба по-другому, то не было бы в его жизни ни Дальнего Востока, ни Лесобона, ни моей мамы. Ну, и меня, соответственно, бы не было. Вообще.

Отцу, после окончания военного химучилища, вместе с однокашником и лучшим другом Вовкой Граниным, предлагали распределение в Чехословакию. Но в «заграницу» поехал только Вовка. Почему он один, узнать мне, к сожалению, не довелось. Может, отец, по своей простоте душевной, не подсуетился, когда надо. А, может, просто не повезло.

Вовка (сейчас, конечно, никакой он не Вовка, а Владимир Владимирович), после службы в Чехословакии, попал в место с колоритным названием Совгавань, дослужился

там до пенсии (потребовалось для этого ему лет пять или шесть, что неудивительно при стаже «год за два») и вернулся в родной Краснодар, где занялся мелким бизнесом. По скудным сведениям бывших однокашников отца, Вовка построил большой дом неподалеку от моря, вырастил детей, живет и здравствует.

Отец до пенсии не дотянул и ушел из армии досрочно, дослужившись до капитана. Как это там у военных называется? Написал рапорт? Причины такого внезапного ухода для меня остались неясными – как говорила мама, жутко приревновал ее к какому-то генералу, ну и вышибли. Когда был маленьким, отец про эту историю мне не рассказывал, а потом поговорить с ним на эту тему возможности не представилось.

После армии он какое-то время работал в военкомате, потом заочно закончил железнодорожный техникум и устроился в Лужинское депо машинистом. Стал часто пить, сильно прибавил в весе и приобрел кучу болячек. Через какое-то время по состоянию здоровья перешел работать в депо слесарем, потом сторожем на деревообрабатывающий комбинат. Но все это было уже в другой жизни...

Отец умер, не дожив и до 55 лет. У него не было большого дома, на морских курортах, да и вообще в морских городах, почти не бывал, – так, пару раз. Но жизнь закончил в просторной русской избе, рядом с морем. «Постучался в небеса», как герой Тиль Швайгера, и поехал к родственникам, живущим в большом приморском рыбацком поселке. Схо-

дил днем на берег, посидел с женой. Ночью случился инсульт (уже второй) и – все.

Ты меня прости, если что не так.

Бабаня и вшивый

Бабаня проработала 40 лет на одном и том же месте – табельщицей на советском заводе. Это серо-мрачное здание в центре большого волжского города стоит и по сей день. Принадлежит некоему капиталисту. Точнее, принадлежало. Центральное место приглянулось другому капиталисту, в результате чего прежний владелец оказался в тюрьме, где потом и повесился.

Одно время Бабаня тоже была «капиталистом» и имела небольшой процент акций своего завода. Покуда кто-то не бросил клич, что акции нужно продавать, дабы они не превратились в обычные бумажки. Возможно, акции скупались как раз по инициативе того, кто положил глаз на прибыльную недвижимость. Впрочем, это неважно. Бабушка поверила, продала акции. В первый раз совет ветеранов завода отказал ей в новогоднем подарке...

Через два месяца после нашего прибытия в Лесобон Бабаня приехала меня навестить. Мы с ней гуляли, играли, ходили на речку. Потом она еще приезжала ко мне несколько раз, но уже после развода. Остановливалась у отца, который жил этажом выше у тети Лиды и общалась со мной, как ни в чем не бывало. Дети не виноваты, часто говорила она...

Излюбленными ее выражениями были: «хорошего понемножку», «утро вечера мудренее», «ну, тихо, тихо, тихо»

и «вот, бяка такая». Два последних произносились, когда я баловался и был непослушным. А не слушался ее я часто, потому что любил. Разве можно сдерживать свои эмоции, когда рядом любимый человек?

Огорчал ее я часто. Ломал игрушки. Долго не ложился спать. Бегал на речке по сплавным бревнам. Завел собаку. Когда у Бабани кончалось терпение, она замыкалась в себе и не разговаривала со мной. Мне было мучительно больно. Я просил прощения. Она прощала, но не сразу.

Больше всего Бабаня жаловалась на самолеты. Чтобы добраться до Лесобона, ей приходилось восемь часов проводить в небе. А у нее было давление. И через какое-то время она к нам приезжать перестала. Я скучал и часто принимал за нее похожих старушек, бредущих вдалеке. «Бабаня!» – бросался я за ними.

Когда я немного подрос, мама стала отправлять меня на лето к Бабане, на Запад. Обычно она поручала меня какому-нибудь офицеру, ехавшему в том же направлении. С этими офицерами на поезде я ехал до Базаровска, там мы сели на самолет. В Москве меня встречал двоюродный брат отца и сажал на поезд до большого волжского города. Дорога назад была такой же, только наоборот. Мама никогда со мной к Бабане не ездила.

Однажды я приехал так надолго, что бабушка меня определила в детсад. В отличие от лесобоновского, зеленого деревянного барака, с облупившиеся краской, он находился

в большом кирпичном здании с огромными окнами. Внутри было сухо и тепло, а на территории – чисто и уютно.

К бабушке я приехал вшивым. И меня постригли налысо. Парикмахерша, в процессе стрижки, неодобрительно смотрела в сторону бабули и, заканчивая, шепнула мне:

– Обязательно скажи маме, что у тебя вши.

Я кивнул.

В новый детсад я пошел лысым. Меня дразнили: «Лысая башка, дай пирожка!»

Я не обижался.

Потом, значительно позже, я понял, что все, что бабушка делала для меня – это было из-за большой любви. Когда я переехал жить к ней, она постоянно бегала вокруг меня и предлагала: «Поешь то, поешь вот это, одевайся теплее, возьми денежек», я раздражался. Все таки мне было уже 20 лет... Но понимал, по-другому она не может.

Своего мужа, моего деда, она тоже любила, но давно. Потом любовь переросла в привычку и заботу. Он работал сварщиком на том же заводе, что и Бабаня, часто брал «левые» заказы и ездил на рыбалку. Привозил раков, сваливал их в ванную, они лениво ползали по дну и флегматично шевелили усами. Но еще чаще привозили его самого, пьяного в стельку. Бабушка молча укладывала его спать и потом два дня не разговаривала с ним. Дед психовал, подбегал к ней и, махая руками перед лицом, кричал:

– Ну что ты молчишь!

Она уходила на кухню и готовила ему еду.

Отношения между ними были такими, что соседи недоумевали, как они могли жить вместе. Дед, – всегда боевой, задиристый, рубаха-парень. В войну был разведчиком. И бабушка, – тихая, неприметная, стеснительная и всегда опасаящаяся общественного мнения – «а что люди скажут?».

Мой приятель, сосед бабушки снизу, студент строительного техникума Олег, как-то спросил:

Слушай, а твоя бабушка знает, что такое секс?

Я задумался... Олег тоже. Через несколько секунд Олег вышел из задумчивого состояния (думать он не любил) и сделал вывод:

– Значит, они твоего батю случайно зачали. Во сне.

Нина

В нашем подъезде детей не было только у соседей на моем этаже, а на всех других жили мальчики и девочки примерно одного возраста со мной. На первом этаже жила семья прапорщика Гейт. Папа Гейт, мама Гейт и Нина Гейт, в цвете их волос преобладал рыжий (Их дразнили: «Папа-Рыжих, мама – Рыжих, и я Рыжих сам, вся моя семья покрыта рыжих волосам»).

Худенькая, спокойная. Она мне нравилась. Наши родители были знакомы и часто встречались за «рюмкой чая». Мы уединялись с Ниной в ее комнате и играли в разные игры: прятки, считалки, мяч... Причем, проходило это все тихо, без шума и беготни. Нам было приятно общаться друг с другом, разговаривать на разные детские темы. Наши разговоры были похожи на диалоги из сказки Сутеева «Цыпленок и утенок» (помните, «я вылупился, – я тоже», «я рою ямку – я тоже» и т. д.):

- Тебе нравится «Ну, погоди»?
- Да.
- Мне тоже
- Ты умеешь кататься на велосипеде?
- Нет.
- Я тоже. Но учусь.

Дружба наша была недолгой. Ее родители тоже вскоре пе-

реехали. Но не на Запад. Прапоры редко уезжали дальше Хазаровска. Все таки не офицеры. И не солдаты. Так, что-то среднее.

Прапорщика Гейта перевели в поселок неподалеку от Лесобона. Он в пылу пьяной горячки размахивал пистолетом перед своей женой и несколько раз пальнул в потолок. От греха подальше его отправили в соседнюю часть.

Нину я нечаянно встретил в пионерлагере им. Горького, расположенного рядом с Лесобоном, будучи уже третьеклассником. Мы посмотрели в глаза друга друга... И смущенно разошлись, будто между нами была какая-то тайна.

Где ты, Нина? Отзовись...

АНТОНОВ

1 сентября, линейка, урок Мира и прочие обязательные атрибуты. Все, как обычно. Чего-то особо яркого, запоминающегося в первый школьный день не произошло. Если не считать того, что один мальчик из нашего класса описался, не дотерпев до перемены. Он просился, но учительница не пустила.

Первый день школы подарил мне приятелей Вовку Антонова и Димку Васильева. Они тоже жили в гарнизоне, но дружили со мной неохотно. К тому времени я уже был сыном «разведенки», и их мамы не поощряли наше знакомство. Они считали, что в неполных семьях растут трудные дети.

Васильев вскоре уехал на Запад, а Антонов остался, так как был сыном прапора. Вовка вынужден был еще более сблизиться со мной – дружить ему особо было не с кем. Впрочем, настоящей дружбы у нас так и не вышло. Но так уж получилось, что в одном классе мы проучились до окончания школы, а потом еще и вместе закончили техникум. И везде между нами была какая-то дистанция.

Но как-то он пригласил меня на день рождения. Почему – не знаю, может, за компанию, чтобы не скучно.

Было это во время учебы в техникуме. Отварная картошка, тушенка, салат из огурцов с помидорами, самогон – вот и все угощение. Но ничего, посидели, выпили, поговорили.

Потом пошли провожать нашего однокурсника на автобус. С нами пошел отец Антонова. Подозревал, наверное, что непонятно с чего захмелевшему (взрослые нам разрешили выпить три рюмки) Вовке нужна будет помощь. Когда пришли, Антонов сел на скамейку и встать больше не смог. Домой мы вели его с отцом, взяв под руки.

Антонов стал прапорщиком, продолжив династию. Пить он так и не научился.

Руня

Вообще то его звали Руслан, а с фамилией была полная неразбериха. Как и с отцовством. Одни учителя его называли Дорохов, другие Пищук... Какая фамилия была истинной, я не знал. Да это меня и не интересовало. Ну, Руня, и Руня. Жил он в гарнизоне, в деревянном двухэтажном доме. Таких домов там было два, их звали «деревяшками». Хорошая половина обитателей этих домов состояла из алкашей.

Руня рос достаточно крепким, потому что аппетит был у него отменный и питался он хорошо. Его мама мыла посуду в гарнизонной столовой. Он обедал (а зачастую и завтракал, и ужинал) у нее на работе. В школу ходил редко и еле-еле дотянул до 8 класса. Однажды я нарисовал его в виде вратаря, пропустившего шайбу, и он меня побил.

Тогда, когда я получил несколько тычков от Руни, я впервые понял, что такое предательство. Я рисовал Дорохова-вратаря будучи в гостях у другого приятеля – Рычагова. А тот потом, как выяснилось, этот рисунок показал Руне.

– Ты че меня нарисовал? – гневно спрашивал он. Потом ему надоело мое молчание, и он ударил меня в лицо. Я поднял с земли кирпич и пошел на него.

Он испугался, попятился и крикнул:

– Брось!

Я бросил кирпич ему под ноги, развернулся и пошел до-

мой. Через какое-то время, обернувшись, увидел, что Рычагов стоит на том же месте и, не моргая, смотрит мне в след.

Беспризорники «гарназа»

Познакомился я с ними настолько органично, что не помню как. Денис Брокин, Виталя Медов, Руся, Серега Рычагов, Пашка Таров, Одесса, Руня – мы не были закадычными друзьями. Сбились в стаю, видимо, мы потому, что относились к одному социальному слою. Сыновья матерей – одиночек, прапорщиков, из многодетных семей. Пашка – тот вообще рос с братом и отцом. У кого-то отец сидел, у кого-то – ушел из семьи и т. п. Большую часть нашего времени занимала улица. Не непризорники, но почти.

Условия и условности заставили нас сблизиться. Мы могли играть вместе, ходить в кино, бродить по окрестностям Лесобона, купаться в Миссури, загорать. Но мы не были одним целым, не были друзьями в полном смысле этого слова, так – приятели. Даже в драку друг за друга не вступали.

Хотя некоторых из них я считал, и считаю своими товарищами.

...В тот день мы, подростки, шли в город. Брокин, его двоюродный брат и я. Возле стройки навстречу нам неожиданно вышли «городские». Среди них выделялся белобрысый, невысокого роста, пацан с консервой в руках. Они шли, как выяснилось, в ближайшую общагу. «Консерватор» подбежал к Брокину и ударил банкой по голове.

– Это он!

– Че он? – не поняли гопники.

– Да гнал на меня, короче, что *** мне даст.

...Брокин дня два назад сидел у Рычагова с какими-то его знакомыми. Пили вино. Речь зашла о белобрысом... Откуда его знал Брокин, какие у него были претензии к этому гопнику, так и осталось неясным.

– Да я тебе всю башку разобью! – размахивая «Сайрой в масле» кричал «обиженный».

Минут пять белобрысый скакал вокруг Брокина, пока один из пацанов, видимо, самый авторитетный из них, не остановил его. Договорились, что Брокин отдаст за свой «косяк» деньги (которые, впрочем, он и не собирался отдавать и не отдал). Я сидел на корточках метрах в десяти от разборки и курил. Мне до сих пор стыдно, что я не подошел, не сказал что-нибудь в защиту товарища. Прости, друг...

Я не помню ни одного доброго поступка друзей в моем отношении. Как и не помню и того, какое добро сделал для них я.

Даже от смерти меня спасли пацаны, с которыми я особо не дружил. Так, встречались изредка, случайно.

Как и в тот день, на строительном котловане.

Сазанов

Возле нашего дома вырыли котлован для строительства общежития. Дело было осенью, шли дожди. Яма наполнилась водой. Мальчишки постарше сбили из бревен плоты и плавали на них между фундаментных стен. Когда им надоело, они уходили и тогда на плоты садились мы.

Так и было в тот день. Двухбревенный плот позволял нам чувствовать себя капитанами... Стоять на нем было нелезья – он все время качался. Мы плавали сидя, гребя руками. В один из таких рейдов я неудачно сел на плот, он перевернулся. Плавать я не умел.

Брокин рассказывал мне, что какое-то время я плыл на спине, неистово размахивая руками, потом пошел ко дну. Вокруг меня была какая-то пелена, было холодно... В это время Миха Цуканов нырнул и начал выталкивать меня из воды (он был постарше и умел плавать). Он выталкивал, а я бил его ногами по голове. Потом Саня Сазанов подал лыжную палку. Я схватился за нее. Меня вытащили.

Много лет позже, когда я был в Лесобоне на похоронах матери, я спросил Сазанова: «А помнишь...». Тот непонимающе взглянул на меня, поморгал и ничего не ответил. Дескать, чушь вспоминаешь всякую...

На следующий день он пришел к нам в шесть утра и попросил водки. Я начал наливать в рюмку, он взял у меня

из рук бутылку, налил стакан, залпом выпил и ушел.

Развод

Мне было 6 лет. В то время я не понял, что произошло. Отец вдруг перестал приходить домой. Переехал жить этажом выше к тете Люде. Она жила с двумя дочерьми. Точнее с одной. Вторая уже давно уехала в столицу, где и вышла замуж.

Мне тетя Люда казалась старой. Чем она привлекла моего отца, для меня до сих пор остается загадкой. Может быть, тем, что хорошо готовила. Через несколько лет после их совместной жизни у отца появилось брюшко. А потом еще какое-то время спустя он разжирел до безобразия.

Позже мне мама говорила, что отец приревновал ее к комдиву и, предварительно выпив шампанского, высказал все, что о нем думает. В достаточно нелицеприятной форме. Из армии его, понятное дело, выперли. Это уже превысило пределы маминого терпения, тем более, что недавно она застукала отца у соседки с пятого этажа – чуть ли не в постели.

Версия бабушки (отца я об этой истории не расспрашивал, не успел) звучала обыденно: стерва – жена, которая все время пилила мужа за маленькую зарплату (хотя отец получал примерно 300 рублей и это были в то время очень неплохие деньги...) заставляла больше и больше работать, и постоянно давала поводы для ревности. Бедный папа, не выдержав, сбежал к соседке с пятого этажа.

Истина где-то посередине...

Единственное, во что можно верить безоговорочно – это в наличие соседки с пятого этажа... Сорокапятилетней вдове с двумя детьми тоже хотелось счастья.

Китайцы и «будь бдителен»

Наши ближайшие соседи (граница с Китаем была рядом, о чем свидетельствовал плакат на КПП – «Воин! Будь бдителен! До государственной границы 12 километров!»), появились в городе примерно в конце восьмидесятых, вместе с видеосалонами, гастрольями многочисленных составов «Ласкового мая» и пустыми полками в продмагах.

Они приехали строить кирпичный завод, разбили за городом лагерь из фанерных бараков, в которых жили по 15—20 человек. От гарнизона это место было недалеко и мы часто бегали туда – меняли старые шинели, военные шапки и фуражки на жвачку и сигареты. Однажды один из приятелей притащил китайцам собаку и ему дали за нее денег.

Зимой на азиатов было жалко смотреть. Я часто встречал их на автобусной остановке, съезжившихся в своих тонких пиджачках, страдающих от 30-ти градусного мороза. Зато у каждого на поясе был пристегнут большой кошелек... Туда они складывали свой заработок и никогда с ним не расставались и, наверное, даже спали с ним.

Через какое-то время про наш «бизнес» узнали в военной части и зарубежные гости были оперативно обеспечены теплой одеждой. Солдаты, прапорщики и даже некоторые офицеры тащили им все, что могли: фляжки, саперные лопаты, полушубки, сапоги. Китайцы платили чачей, магнитофона-

ми, джинсами, тушенкой, редко деньгами.

Нередко случались казусы. Патруль принимал азиатов за советских воинов, ушедших в самоволку, и доставлял в комендатуру. Отличались они только тем, что выглядели в форме, как охламоны. Шапки со свисающими ушами, мешковатые шинели без ремня, с красными погонами «СА» на плечах. Вели себя китаезы тихо, в конфликты не вступали. Когда до них задиралась местная шпана, старались уладить дело миром или, если не получалось, быстро ретироваться.

Однажды мы, уже старшекласниками, случайно столкнулись с представителями Поднебесной в бильярдной Дома офицеров. Я, Виталя Медов и Брокин были предельно возмущены, что какие-то узкоглазые заняли наш стол и попросили в грубой форме удалиться. Они не только этого не сделали, но и дали Витале в глаз. На этом конфликт был исчерпан. Оказалось, что это вовсе не китайцы, а обрусевшие корейцы, давным-давно осевшие в Лесобоне. Тем не менее, после этого случая мы стали посматривать на китайцев с опаской...

Самое интересное, что тогда, находясь в пределах 12 километров от Китая, ни я, ни мои друзья-приятели, да вообще никто, из тех, кого я знал, никогда не были в этой стране. И не думали даже, что когда-то смогут там побывать. Единственное, что однажды мне довелось посмотреть на китайские хижины в Добровещенске. Граница там проходит пря-

мо посередине реки, и, стоя на набережной, я смог рассмотреть очертания соломенных домиков на другом берегу, и пожилого китайца в джонке, разбирающего сеть.

Сегодня на месте этих хижин выросли многоэтажные дома из стекла, чуть подальше видны густо дымящие трубы заводов, а добровещенцы (как, впрочем и другие жители Дальнего Востока) ездят в Китай на выходные – за тряпками, посидеть в ресторанах или просто прогуляться. Там дешевле.

Мудрый подход к прогрессу сделал свое дело...

Благодаря мягкому переходу от социализма к капитализму, Китай сегодня является ведущей экономической державой. Китайцы сохранили компартию, при этом развивая частный бизнес, привлекая инвесторов, развивая промышленность. В отличие от нас, которые пошли по пути «интернационала» «разрушим до основания, а затем...» В том же Лесобоне от Приморского ДОКа, одного из ведущих отечественных деревообрабатывающих предприятий, осталась куча мелких фирмы и фирмочек, а от биохимического завода – вообще ничего. Только полуразрушенные здания цехов.

ХОМЯК

Школа, куда меня определила мама, была самая обычная, «рабоче-крестьянская». В ней учились преимущественно дети рабочих деревообрабатывающего комбината и биохимзавода. Заниматься школьным вопросом мама начала поздно, когда уже во всех других набор закончился. Но я не в претензии. Школа была хоть не самая лучшая, но с хорошими учителями.

Кроме того, она была Первая. Как по номеру, так и по славе. С начальных классов ее ученики уже были героями криминальных сводок.

Наш 1 «В» не стал исключением. Один из моих одноклассников утонул в первый же месяц учебы. Я только успел запомнить его фамилию: Мартынов. В колонке «УВД сообщает» городской газеты «Знамя труда» писали об этом случае – среди сообщений о кражах и грабежах, совершенных преимущественно бывшими и настоящими учениками нашей школы. Мартынов с приятелем украли лодку, чтобы покататься по Миссури, она оказалась с течью. Приятель плавать умел, а Мартынов нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.